

вить всѣхъ (?) людей и увѣковѣчить результаты ихъ дѣятельности, можетъ состоять только въ споспѣшествованіи благоденствію людей“ (стр. 221—3). Такимъ способомъ легко устраняются, конечно, всѣ трудности вопроса, ибо для абстрактнаго человѣка законъ не писанъ; но построенная на подобныхъ началахъ теорія „цѣнности жизни“ сама не имѣетъ никакой реальной цѣнности.

По мнѣнію автора, указаніе на высшіе мотивы „благожелательной дѣятельности“ уничтожаетъ пессимизмъ въ самомъ зародышѣ, — какъ-будто человѣкъ, убѣжденный въ безцѣльности и пустотѣ существованія человѣчества и всего міра, можетъ считать великою, возвышенною цѣлью — содѣйствіе счастью ничтожной, обреченной на гибель, человѣческой толпы, населяющей нашу ничтожную планету. Очевидно, авторъ забываетъ сущность пессимистическаго міровоззрѣнія, когда думаетъ ослабить его сомнительными человѣческими идеалами или „иллюзіями“. Онъ только мимоходомъ упоминаетъ о такомъ состояніи общества, при которомъ „всякая полезная дѣятельность въ высшей степени затруднена“; но за то въ будущемъ предвидится счастливое „общество, устроенное разумомъ (?) на нравственныхъ началахъ“. Откуда возьмется этотъ разумъ и эта нравственность въ господствующихъ силахъ и страстяхъ человѣческихъ — неизвѣстно. Между тѣмъ, авторъ увѣренъ, что ему „удалось построить схему счастья“ (!). Самонадѣянность его доходитъ до того, что онъ развязно заявляетъ: „мы не желаемъ слѣдовать легкомысленному примѣру Гартмана и судить съ плеча о будущемъ прогрессѣ науки“; и тутъ-же рѣшаетъ съ плеча соціальные и философско-историческіе вопросы, безъ малѣйшей къ нимъ подготовки. Между прочимъ, онъ сильно вѣрить въ медицину, которая, по его словамъ, научить насъ лечить даже несчастные темпераменты (стр. 208); да и теперь образованные люди поступаютъ не хорошо, если не исполняютъ *всѣхъ* приказаній врача безъ всякихъ возраженій (стр. 255), — упрекъ довольно странный, если принять во вниманіе разногласія и ошибки самихъ врачей, отражающіяся силою и рядомъ на жизни и здоровьѣ пациентовъ.

Замѣтимъ еще, что авторъ толкуетъ о цѣнности жизни совершенно отвлеченно, не касаясь той реальной обстановки, среди которой вырастаютъ настроенія и доктрины пессимизма или оптимизма; онъ забылъ о самомъ главномъ элементѣ вопроса — объ общественной атмосферѣ, порождающей извѣстныя чувства и теоріи. Оттого и вся книга производитъ впечатлѣніе какой-то безпредметности и бесплодности. Трудъ г. Мокіевскаго имѣлъ-бы, быть можетъ, нѣкоторое значеніе для читателей, незнакомыхъ съ иностранною философскою литературою, — и если бы авторъ притомъ ограничился систематическимъ